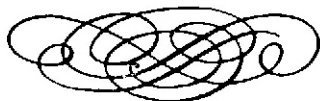

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

SIECLE DES LUMIERS

Москва — Париж
Издательство «Наука»
1970

Moscou — Paris
Edition «Nauca»
1970

Сборник «Век Просвещения» — первое совместное франко-советское издание, выходящее одновременно на русском и французском языках в Москве и Париже. На его страницах выступают известные французские и советские историки, изучающие один из самых ярких периодов в истории мировой культуры и общественной мысли — эпоху Просвещения. Сборник представляет особый интерес для читателя, ибо он посвящен живым образом малоисследованным аспектам истории Просвещения.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание является одной из форм научного сотрудничества советских и французских ученых-историков. Сборник статей выходит под общей редакцией, на русском и французском языках, одновременно в Москве и Париже. По взаимному соглашению Редакция публикует статьи авторов, представленные каждой из сторон, без существенных изменений.

Редакция надеется, что настоящее издание будет началом последующего плодотворного сотрудничества советских и французских историков.

Редакционная коллегия:

Ф. БРОДЕЛЬ,
А. ГУБЕР,
А. МАНФРЕД,
Р. ПОРТАЛЬ,
М. ФЕРРО

Лев Семенович Гордон

ТЕМА «БЛАГОРОДНОГО РАЗБОЙНИКА» МАНДРЕНА
В ИДЕЙНОЙ ЖИЗНИ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Памяти Доминики П.
маленькой исполнительницы
«Жалобы Мандрена»

XVIII век во Франции, открывающийся правлением «короля-людовика XIV», завершающийся Великой Французской революцией, был веком почти непрерывных кризисов. Одним из ранних проявлений этого кризиса абсолютизма было восстание камизаров в Севеннских горах и на юге Франции в 1702—1703 гг. Но и в середине века кризисные явления не переставали сотрясать Францию. Одним из самых наглядных показателей остроты кризисов является следующая запись в дневнике маркиза Луи д'Аржансона, известного своей наблюдательностью: «Прошло почти сто лет с тех времен, когда Тэн писал горючего материала повсюду много, то бунт может перенести: свидетелем этого является песня La complainte du soldat, исполняемая с эстрады в наши дни известным французским певцом Ивом Монтаном»¹. На эту мысль его наводили события, происходившие в 1702—1703 гг., когда власти опасались похода народных масс на Версаль.

Сведения, поступившие из провинций Франции в последние смутные месяцы, также подтверждали обоснованность опасений д'Аржансона. В середине века восточные области Франции, называемые «большой габелой», оказались охваченными контрабандным движением, перераставшим в подлинно на-

у против откупной системы. Контрабанда всех видов вообще для Франции XVII—XVIII вв. бытовым явлением. Протектская политика правительства, пренебрежавшего ввозом транших товаров, наличие многочисленных внутренних тамо-мешавших движению самых необходимых продуктов — хлеба, табака, — заставляли население прибегать к контрабанде. рабанда была связана с большим риском, но зато и приносила И. Хотя одна только тайная торговля солью приводила к едным арестам 2000—3000 человек, ожидавших в тюрьме при-а к кнуту, галерам или виселице, ничто не могло ее остано-Франция, разделенная на области большой габелы (где соль а до 60 ливров за квинтал), малой габелы (28 ливров), отку-и области (9 ливров) и свободные области (2—7 ливров)³, ция, отданная в жертву агентам откупной системы, ненавиде-трелков габелы» и превратила Мандрена⁴, предводителя от-контрабандистов, в национального народного героя. Даже реакционный историк, как Ишполит Тэн, не может скрыть от читателей народной любви к Мандрену: «В 1789 году народ инает о подвигах Мандрена 1754 года, его отряд из 150 чело-иросивший тую контрабанды и грабивший лишь чиновни-купной системы, его четыре похода через провинции Франш-Лиона, Бурбонэ, Овернь и Бургонь, длившиеся 7 месяцев, городов, куда он вступил, не встречая сопротивления, осво-заклученных и продал свои товары; чтобы победить его, при-создать лагерь около Валанса и выслать отряд в 2000 чело-го удалось захватить только путем измены, и до сего дня еще орые местные семьи горды родством с ним, называя его осво-ири»⁵. Прошло почти сто лет с тех времен, когда Тэн писал иndrin, исполняемая с эстрады в наши дни известным фран-и певцом Ивом Монтаном.

Мандрену посвящено специальное исследование ис-Фуика-Брентано⁶. Он очень точно прослеживает по карте

ambaud. Histoire de la civilisation française, t. II. Paris, 1905, 30.

Мандрен родился в Сент-Этьене, Нижнее Дофина, в 1724 г., казнен в Валансе в 1755 г.

aine. Histoire de la France contemporaine. L'Ancien Régime. Paris, p. 501.

unk-Brentano. Mandrin, Capitaine général des contrebandiers France. Paris, 1908; см. также: А. И. Коробочко. Из истории со-

иных движений во Франции в первой половине XVIII в. — Сб. французский ежегодник 1965. М., «Наука», 1966.

¹ О восстании камизаров существует богатая литература: См., в частности, А. И. Коробочко. Восстание камизаров (1702—1705). — Сб. «Исторический вестник», вып. 3. М., 1951 (в этой статье дана и библиография восстания).

² «Mémoires et Journal inédit du marquis d'Argenson...», t. V. Paris, 1847, p. 347.

маршрут всех походов Мандрена, делает попытку взвесить его операций по продаже контрабанды и изо всех сил пытаясь доказать, что движение это было не чем иным, как не вполне законным коммерческим предприятием, боровшимся с привилегиями откупных монополий, чем-то вроде «сухопутного корсажа», как он его называет. По его словам, разорившись на неудачных спекуляциях по кавалерийскому ремонту королевской армии, Мандрен направил всю свою энергию на контрабанду. Тот факт, что движение Мандрена приобрело характер народной войны, почти замалчивается, ибо для Функа-Брентано и революция 1794 г. является чуждым и нежелательным явлением, мажорант и значение которого он был бы рад умалить. Отсюда и его стремление снизить значение движения Мандрена⁷. Но характернее, впрочем, данное Мандрену народом, — «генерал-полковник всех французских контрабандистов солью» (*de tous les faux-sauniers*), запретного табака и набивного ситца в сознании французского народа превратились в необходимейший для жизни продукт.

Вот как вспоминает очевидец о Мандрене: «Этот Мандрен, имя оскорбительным образом объединили с именем вора Кадрена, был вождем контрабандистов. Он вступал повелителем (en chef) в города, взимая контрибуции с общественных касс и освобождая заключенных за контрабанду или тайную торговлю солью. Отэна узнали о его приближении; они немедленно призывают человека милиции, распределяют между ними патроны и отягачивают их на укрепления, где выставлена еще батарея из 8 пушек. Кроме того, в городе стояли гарнизоном 40 драгун полка Бонникам. Мандрен является к воротам, чьи прогнившие и расшатанные створы оказываются закрыты. Он угрожает, если только ему не откроют, сжечь семинарию и взять стены приступом. Майор Мистес (Mistes) и за этих бунтовщиков (rebelles); но их словам, они встревожены и с согласия магистратов вступает в переговоры против богатых откупщиков, а совсем не против короля. Мандрен даже дает ложные советы, которых приходится остерегаться. Медленным шагом, одетый в серое и со шляпой, народ и буржуа боятся злопамятности контрабандистов, деланной золотым галуном, во главе своего отряда направляет жестокости, когда их обижают. Несколько банд ушло в леса, к ратуше, где смотрители соляной монополии и заведующие, другие после схватки у Отэна отошли в Виварне и Бурбоны. Вскоре появляются сведения о том, где скрывается и где прячутся свои запасы Мандрен: «30 января. Утверждают, будто в тюрьме, где велит освободить контрабандистов»⁸.

О большом значении мандреновского движения в жизни Франции свидетельствует тот же дневник д'Аржансона и пе-

тера. Вот первая запись д'Аржансона о Мандрене: «7 октября 1754 г. Существует армия контрабандистов, численностью свыше 10 человек, проходящая через все провинции, но базирующаяся в Верни... откупные чиновники бессильны справиться с ними, и полагают, что скоро придется двинуть войска против них»⁹. Меньше чем через месяц появляется запись, показывающая, что агитация в пользу контрабандистов проникает в самые высокие сферы: 11 ноября 1754 г. против овернских контрабандистов двинуты регулярные войска. Они (контрабандисты. — Л. Г.) уверяют, что не делают ничего противозаконного, и сбывают свои товары по справедливой цене. Это отставные солдаты и офицеры; по их словам, у них нет другого ремесла, чтобы существовать»¹⁰. Через полтора года — новая запись, сообщающая уже о военных стычках с контрабандистами: «19 декабря 1754 г. Я получил письмо от 12-го полка, посланное одним из моих друзей, командующим частями, направленными против Мандрена и контрабандистов. Неправда, что они разбили наших драгун; пятеро повстанцев (*révoltés*) взяты в плен, и других подстерегают тщательно и бдительно»¹¹. Но Мандрен, очевидно, не помогают и даже не могут устеречь отрядов Мандрена: «24 декабря 1754 г. Большой отряд контрабандистов был в город Бон в Бургундии. Мэр и городские старейшины хотели запереть ворота города, но буржуазная милиция не смогла оборонять»¹².

Еще одна запись. Она показывает, что королевским войскам, пытавшимся преследовать контрабандистов, трудно справиться с ними, так как все население сочувствует Мандрену и его отрядам: «8 января 1755 г. Последние новости... сводятся к тому, что правительственные войска очень плохо осведомлены о передвижениях контрабандистов, так как население против королевских частей (*les troupes du roi*) и за этих бунтовщиков (*rebelles*); по их словам, они не хотят воевать с контрабандистами, а совсем не против короля. Мандрен даже дает ложные советы, которых приходится остерегаться. Медленным шагом, одетый в серое и со шляпой, народ и буржуа боятся злопамятности контрабандистов, деланной золотым галуном, во главе своего отряда направляет жестокости, когда их обижают. Несколько банд ушло в леса, к ратуше, где смотрители соляной монополии и заведующие, другие после схватки у Отэна отошли в Виварне и Бурбоны. Вскоре появляются сведения о том, где скрывается и где прячутся свои запасы Мандрен: «30 января. Утверждают, будто в тюрьме, где велит освободить контрабандистов»⁸.

France au milieu de XVIII-e siècle, d'après le Journal du marquis d'Argenson, Paris, 1898, p. 269.

⁷ В 1959 г. вновь делаются попытки затуманить значение Мандрена (см.: E. Esmonin. La véritable figure de Mandrin. Comment naît une légende? — В кн.: E. Esmonin. Etudes sur la France au XVIII-e siècle. Paris, 1964).

⁸ A. Babelu. La Ville sous l'Ancien Régime, t. II. Paris, 1884, p. 270.

и же, стр. 270.

и же, стр. 274.

и же, стр. 275.

и же, стр. 278.

Мандрен прошел через Франш-Конте и укрылся в горах Шамбери. Утверждают также, что король Сардинии приказывал жать его контрабандными товарами»¹⁴.

Конец зимы 1755 г. подтвердил, что Мандрена далеко не взяли: его маленький отряд умело противостоял королевским войскам — настолько, что правительство считает нужным вступить в переговоры. Д'Аржансон записывает: «18 февраля Фишер, полковник егерей, наголову разбит контрабандистами и хвастал, что уничтожил их. Все на стороне контрабандистов. Совершенно несомненно, что отправлен уполномоченный для переговоров с Мандреном в Савойе»¹⁵.

Из следующей записи д'Аржансона видно, что в сношении с Мандреном пробует вступить сам полковник, командующий мандреновскими силами: «4 марта. Мандрен удалился с 600 человек в Женевское государство и ожидает весны, чтобы возобновить свои набеги. Фишер под охраной нескольких егерей правился на женевскую территорию, чтобы завязать переговоры, но потерпел неудачу и вернулся во Францию»¹⁶.

Весной 1755 г. Мандрен был предательски захвачен на территории Савойи французскими регулярными воинскими частями, разрушившими границу. Как только сведения об этом дошли до д'Аржансона, тот записал в дневнике: «17 мая 1755 г. Только что получено известие, что знаменитый Мандрен взят в замке Рам. Его привезли в этот город в ножных кандалах контрабандистов через горы пролегали в ближайшем союзе от его поместья Делис. Впервые имя Мандрена упоминается в письме Дюпону 7 января 1755 г.: «Мандрен убит в сражении с егерями»¹⁷. Через неделю он писал своей почитательнице и герцогине Саксен-Гота, о контрабандистах поднимая, их вождем, находится в сердце королевства во главе шестидесяти решительных людей, будто солдаты дезертируют целыми ротами, чтобы встать под его знамена; что, если ему повезет, он окажется во главе большой армии. Всего три месяца назад только вором; сейчас он — завоеватель. Он налагает контрибуцию на города короля Франции и вознаграждает из своей добычи солдат щедрее, чем король — своих. Народ за Мандрена

Но надежды на то, что генеральные откупщики или французское правительство могут спать спокойно после этой победы, оправдались. Сардинское правительство выразило протест французскому, и д'Аржансон записывает: «26 мая 1755 г. Сардинский король справедливо рассержен арестом Мандрена. Его схватили в замке Рошфор в 4 лье в глубь Савойских земель. Жители захватили замок, 15 савойцев убито в этом бою. Его сардское величество требует, чтобы главных виновников этого нападения приго-

рам. Мы скрываем, что удар нанесен Ламорлиером или его помощником и утверждаем, будто это дело откупщиков. Мандрена судили и приговорили к колесованию в Валансе»¹⁸. Следующая запись: «4 июня 1755 г. Доказано, что Мандрен схвачен на территории, в замке, по правде говоря, принадлежащем французам. Произошло нечто вроде осады, убито тринадцать подданных Сардинского короля и замок подвергся разграблению. Сенат Шамбери заявил по этому поводу протест»¹⁹.

Прошло и двух месяцев со времени казни Мандрена, еще не было чернилы дипломатической переписки, а контрабандисты не знали о себе: казнями ничего нельзя было остановить, и народное движение оказалось невозможно. Д'Аржансон записывает: «30 июля. Преемника Мандрена зовут Пьемонтец. Он не переставая дерзостью и бесчинствами»²⁰. Следующая запись д'Аржансона снова уводит нас к дипломатической процедуре: «4 августа 1755 года. Утверждают, что для торжественного посольства к Сардинскому королю избран граф де Ноай. Он должен принести тому нечто вроде извинений (espèces d'expiation) по поводу нарушения его достоинства похищением Мандрена государством, и его колесованием, противным международному праву»²¹.

Через несколько дней, откликнувшись на все, что волновало его современников, Мандрен не откликнулся на движение Мандрена — тем более, от его поместья Делис. Впервые имя Мандрена упоминается в письме Дюпону 7 января 1755 г.: «Мандрен убит в сражении с егерями»²². Через неделю он писал своей почитательнице и герцогине Саксен-Гота, о контрабандистах поднимая, их вождем, находится в сердце королевства во главе шестидесяти решительных людей, будто солдаты дезертируют целыми ротами, чтобы встать под его знамена; что, если ему повезет, он окажется во главе большой армии. Всего три месяца назад только вором; сейчас он — завоеватель. Он налагает контрибуцию на города короля Франции и вознаграждает из своей добычи солдат щедрее, чем король — своих. Народ за Мандрена

¹⁴ La France au milieu de XVIII-e siècle, d'après le Journal du marquis d'Arжансон. Paris, 1898, стр. 281.

¹⁵ Там же, стр. 283.

¹⁶ Там же, стр. 284.

¹⁷ Там же, стр. 294.

ке, стр. 296—297.

ке, стр. 297—298.

ке, стр. 302.

ке, стр. 303.

а и г. Oeuvres complètes, ed. L. Moland (Garnier), t. 38. Paris.

1888, p. 316.

ке, стр. 319.

просвещения

В тот же день, когда Вольтер писал это письмо, его де-дент Дюпон отвечал ему на первое: «у этого Мандрена есть Он мчится со скоростью света. Вы говорите, что он у в-рей, но он одновременно и у наших. Генералом против-начен г-н Монконсей. Позавчера он выступил против Мандрена дрожат все агенты фиска. Это порок, это — гра-ляющий золотой урожай откупщиков. Народ любит этого на до безумия. Народу дорог тот, кто пожирает пожира-рода»²⁴.

Уже через два дня Вольтер пишет о Мандрене в дру-«Нам сообщили, что Мандрен становится прославленным том, но это не подтверждается»²⁵. Еще через неделю Во-лится со своим корреспондентом некоторыми соображениями Мандрене: «Месяц назад Мандрен явился к самому изве-стному врачу области, чтобы тот перевязал его рану. Во время-и Тезея он был бы великим человеком, но сегодня таких-шайт. Вот что значит явиться в мир не вовремя!»²⁶. В то-Вольтер еще раз упоминает о Мандрене — в письме д'А-«Правда ли, что Дюплекс²⁷ велел провозгласить себя Мандрен стал героем, достойным колесования? Мне ш-«Девственница»²⁸ напечатана, и в Париже она стоит оди-Очевидно, что Мандрен велел ее напечатать»²⁹. На дру-секретарь Вольтера Коллини писал Дюпону от своего-явно передавая слова Вольтера: «Берегитесь Мандрено-рез пять дней разочарованный Вольтер извещал герцо-сен-Гота: «Генерал Мандрен далеко не так силен, как м-ма, которые он видит. Н. В. Только что два человека сооб-ли»³¹. И, наконец, 31 января 1755 г. снова письмо Колли-ну: «Мы ждем Мандрена, расположившегося против нас-сторонны озера с 200 человек своего отряда. Значит, он в-вашей провинции, как это и сообщалось, — и вы отдела-хом»³². Дальнейших сведений о Мандрене в переписке

и эти письма свидетельствуют, что три недели его жизни по 31 января 1755 г.) были заполнены размышлениями о личности и деятельности Мандрена.

Видно из приведенных записей д'Аржансона, с казнь-Мандрена деятельность контрабандистов не прекратилась; продол-ем его набегов оказался неизвестный, прозванный Пьемонт-и если на время следы отряда теряются, то в местах его под-через 10 лет вновь воскресает, хотя и с значительно меньшим-ном, имя Мандрена. Свидетельством этого опять оказыва-ереписка Вольтера. Но теперь мы можем усмотреть из нее,-ношение фернейского патриарха к прославленному разбой-изменилось. Вольтер перестал иронически восхищаться им, емится защитить от него свое поместье.

В январе 1765 г. Вольтер получает от женеvского синдика Фаб-дошедший до нас, но понятный из ответа Вольтера совет-мачеку. 28 января 1765 г. Вольтер ответил: «Сударь, мы бла-м Вас за добрый совет и примем меры к защите. Отец Адам³³-со стреляет из ружья. У меня есть маленький штык пример-ырех с половиной дюймов, которым я не премину фехтовать. оставим под ружье всех наших мальчишек»³⁴. Но уже на-29 января 1765 г. тон Вольтера меняется, он уже не ба-а докладывает: «Г-н де Вольтер имеет честь уведомить-и Фабри о том, что вчера около 4-х часов вечера здесь (мимо-Л. Г.) проследовал неизвестный, одетый в серое, доволь-окий, отмеченный оспинами, в простой шапке, ехавший в-на серой лошади. По пути он справлялся, кому принадле-ма, которые он видит. Н. В. Только что два человека сооб-что около 3-х часов утра они видели, как проехал отряд-с ними была женщина»³⁵.

В тот же вечер Вольтер посылает вдогонку еще одно письмо: Фабри, вечер 29-го. Клод Дюран, довольно зажиточный кре-н из Ферне, утверждает, что сегодня в 5 часов он видел, как-ли восемьдесят контрабандистов... Утверждают, что эту шай-главляет сестра Мандрена. Если это так, то следовало бы, но, разместить батальон в округе Жекс»³⁶. Через три дня-р уже по-настоящему вооружает своих слуг, о чем и изве-Фабри: «У нас есть много ружей и несколько штыков»³⁷.

Адам — старик-иезуит, которого Вольтер приютил в Ферне после-ния иезуитов из Франции. Voltaire. Op. cit., t. 43, p. 450—451. же, стр. 451—452. же, стр. 452. же, стр. 453.

²⁴ Voltaire. Oeuvres complètes, ed L. Moland (Garnier), P. 1877—1888, p. 320.

²⁵ Там же, стр. 321.

²⁶ Там же, стр. 327.

²⁷ Дюплекс (Dupleix) Жозеф-Франсуа (1697—1763) — губерн-французских владений в Индии.

²⁸ Первое издание «Орлеанской девственницы» Вольтера, при-тором, вышло только в 1762 г.

²⁹ Voltaire. Op. cit., t. 38, p. 328.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 331.

³² Там же, стр. 334.

И, наконец, мы видим, что Вольтер, владелец поместья ка Ферне, решительно выступает на стороне «порядка», заправила откупной системы бороться с контрабандистами. Детельством этого является чрезвычайно любопытный документ, направленный Вольтером синдикату Фабри, которого считаем нужным привести: «Памятная записка, подлежащая рассмотрению только на комитете генеральных откупщиков, существующих департаментами Бресс, Жекс и Вальморен. 13 февраля, уйдет 15-го.

27 января 1765 г. господина Галин и Бакль, граждане, уведомили баюи Ниона, в Швейцарии, около Жекса, что воров намеревается на завтра ограбить один замок во Фомическом отношении, поражения под Росбахом, Минденом, Они описали приметы двух бандитских предводителей и выдать их суду. Десятого февраля два незнакомца рыскали замка (Ферне. — Л. Г.). Их прогнали, тогда как следовало вать. В ночь с 12 на 13 февраля некий Матренж родом из в 11 часов явился на деревенскую свадьбу. Там он сказал знакомому кузнецу: «Когда вы услышите выстрелы, не Со мной будет 80 человек; мне подчинены 5 стрелков, и мы будем неплохо». Кузнец принес мне эти сведения, некоторым опозданием. Я вызвал конную стражу Жекса, стовала поименованного Матренжа, когда он хотел отправить Ферне в Женева. Я отправил в Жекс его показания.

После этого я узнал, что этот Матренж — один из самых контрабандистов; через него можно найти его шайку. Но опасаться, как бы она не стала громить нашу местность, не меньше полка, чтобы справиться с этими бродягами, щимися изо дня в день все более опасными. Надеемся, что министры — военный и финансов обсудят меры, чтобы притить рост этого бандитизма»³⁸.

Эту докладную записку Вольтер переслал Фабри: «Ферверг вечером 14 февраля 1765 г. Г-н де Вольтер, г-жа Де их дом шлют свои самые почтительные приветствия г-ну Фабри, очень настойчиво просят благоволить сообщить, правда ли, бальяже Ниона арестовали несколько бандитов, выданных Бакль и Галин.

Вот небольшая памятная записка, которая поможет кое-какие сведения из Матренжа. Было бы опасным в его в нашей местности»³⁹. Стоит вдуматься в эти слова: предлагает откупщикам Бресса, Жекса и Вальморена

какие сведения» из арестованного контрабандиста Матренжа. таточно вспомнить методы допроса, к которым прибегала юсти- абсолютистской Франции, и права откупщиков, фактически севших выше всякой юстиции, чтобы понять, на что обрекал ренжа автор докладной записки. Движением Мандрена далеко не ограничились потрясения, пе- нитые в эти годы абсолютистской Францией. Историкам хоро- известны непрекращавшиеся вспышки бунтов — то среди горо- то крестьянские голодные бунты. К этому следует прибавить тия бесславной Семилетней войны (1756—1763), к которой ния оказалась абсолютно не подготовленной ни в военном, ни номическом отношении, поражения под Росбахом, Минденом, вельтом, потерю Канады, гибель французского флота при Бель- Поэтому чрезвычайно скоро Франция оказалась, по выраже- не склонного преувеличивать историка, Обертена, «под уг- ий нашествия, банкротства и восстания»⁴⁰.

*

од Франции отнесся к Мандрену и его соратникам иначе, (Вольтер: об этом со всей очевидностью говорят народные кни- divres de colportage, littérature populaire), воспевающие подвиги Мандрена. Для нас они являются признаком того, что для народ- масс Мандрен был не просто предприимчивым спекулянтом, ющим привычные нормы откупной монополии и тем самым бо- имся за свободное предпринимательство (как его пытались разить Функ-Брентано и Эсмонэн), а настоящим народным ем, — не случайно в народной книге он показан «благородным ойником», наследником повстанцев 1702—1705 гг., камизаров. од Франции отнесся к Мандрену и его соратникам иначе, репрессивными историками Франции; ее исследовали или реак- ные ученые, искавшие в ней доказательств неадекватности туры народа, или искусствоведы, любовавшиеся наивностью и итивизмом ее оформления. Отсюда все внимание этих иссле- телей направляется или на реликты средневековой литерату- сохранившиеся в лубке, или на наивную гравировку титульных ов этих книг. Ученый прошлого столетия, проф. Ш. Низар, авил цензорскую комиссию, созданную правительством Напо- а III: в его задачу входило проверить, нет ли среди этих книг ублицанской «крамолы», ускользнувшей от бдительности цен- . Такие книги арестовывались и уничтожались; в его библио-

³⁸ Voltaire. Op. cit., t. 43, p. 460—461.

³⁹ Там же, стр. 461—462.

Aubertin. L'Esprit public au XVIII-e siècle. Paris, 1873, p. 350.

графию⁴¹ уничтоженные книги не включены. Искусствовед П. Шон⁴² изучает в первую очередь оформление народной книги: текстов он касается лишь в связи с иллюстрациями. Но и тут нятая им классификация (с «Религиозной и дидактической ратурой» на первом месте) мешает ему увидеть подлинное значение этой литературы. Наконец, в недавно появившемся издании проф. Р. Мандру⁴³ сама сфера поисков исследователя существенно ограничена: сосредоточив внимание на дешевых выплатах называемой «синей книги» (серия лубочных сказок, гадальных книг, сонников и т. п.), печатавшихся типографами г. ученый счел, что этими изданиями и ограничивается народная книга Франции. Отсюда его вывод: эта литература «ничем не уступает усилиям классиков XVII-го века или философов XVIII-го века». Но ответ этот был заранее предрецензентом тем материалом, который изучал: действительно, в пересказах рыцарских романов нет никакой социальной философии предреволюционной эпохи. Однако, вспомнить, что распространителей и бродячих торговцев книжками частую преследовали власти (вряд ли за продажу безвредных сонников и альманахов!)⁴⁵, тогда по необходимости встанет вопрос, а что еще входит в эту народную литературу, кроме книг «библиотеки»?

Народные книги прошлого, именуемые зачастую «лубочной литературой», представляют собой совершенно самостоятельный литературный жанр. Этого нельзя отрицать, хотя лубочная литература не была самою долгою историею и тем, что в ее развитии не попадала низкопробная в идейном отношении литература, которую авторы даже многих любимых народом лубочных изданий зачастую не очень грамотными людьми. Но при всем этом лубочные романы выдержали испытание временем, являясь любимым чтением нескольких поколений. Объяснить эту популярность только невзыскательными читательскими вкусами народа — значит упрощать и искажать большую и сложную проблему, которая еще ждет своего решения.

Еще Ф. Энгельс отметил огромное значение народной книги: «Его мнению, «здесь есть характер, дерзкое, юношески свежее чувство, которое может послужить примером для любого странствующего подмастерья»⁴⁶. Этот характер героя определяется не индивидуальными особенностями, а в первую очередь его привычками, которые и составляют обычно содержание народной книги. При этом сама развязка приключений — чистая условность: главное — это сами переживания судьбы героя, его сопротивление внешним враждебным силам. Поэтому герой народной книги своей предприимчивостью и стойкостью, своим умением преодолевать препятствия на пути преуспевания обеспечивал прочный успех не только у читателя-ремесленника или крестьянина. Известно, как широко была распространена грамотность в народе Франции накануне революции 1789 г.: поэтому народные («лубочные») книги находили читателей. Героем лубочной книги очень скоро становится и Мандрен.

Известны несколько книг, посвященных ему, — причем появились они непосредственно после его казни в Валансе в том же году, или в 1756 г. Такова, например, анонимная «История Луи Мандрена»⁴⁷, содержащая его несколько романтизированную биографию. Поучительные слова о вреде преступлений и пользе покаяния, которые ее открывают, не могут скрыть восхищения не только автора Мандреном. С первых же страниц книги Мандрен выступает мстителем за своего отца, погибшего в стычке с разбойниками. Далее дается его характеристика: «У него находили ум, поразительную ловкость и удачу. Мандрен отличался от других своим убедительным красноречием, живым воображением, остроумием, необходимой для великих предприятий, и дерзостью»⁴⁸. В соответствии с эстетикой лубка герой (даже если изначально он числится злодеем) должен быть влюблен, и целые главы посвящены любовным подвигам Мандрена, завершающимся браком: «Какая честь для престарелой, — победа над таким

⁴¹ Ch. Nisard. Histoire des livres populaires ou de la littérature de Paris depuis l'origine de l'imprimerie..., vol. 1 et 2. Paris, 1864.

⁴² P. Brochon. Le livre de colportage en France depuis le XVI-e siècle. Paris, 1954.

⁴³ R. Mandrou. De la culture populaire au 17-e et 18-e siècles. La Bibliothèque bleue de Troyes. Paris, 1964.

⁴⁴ Там же, стр. 41.

⁴⁵ См. нашу статью: «Некоторые итоги изучения запрещенной литературы XVIII века» — «Французский журнал» 1959 г. М., 1961; см. также: W. Krauss. Über den Anteil der literarischen Entfaltung der Aufklärung. — W. Krauss. Studien zur deutschen und französischen Aufklärung. Berlin, 1963.

Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 346. Histoire de Louis Mandrin, depuis sa naissance jusqu'à sa mort: Avec un détail de ses cruautés, de ses brigandages et de son supplice. Amsterdam, 1756.

Эта книга выдержала несколько изданий; по мнению Барбье, она написана аббатом Реглуа (Regloy). Имеется русский перевод: «История Луи Мандрена с его рождения, даже до смерти, с описанием бесчисленных его разбойничеств, и о последовавшей ему казни». М., 1932.

«Histoire de Louis Mandrin...», p. 7.

сердцем!»⁴⁹ Влюбляясь как паладин из рыцарского романа, из-за поруганной (в данном случае — драгунами Виллара) люб- лубочный Мандрен держится перед смертью как истый либ- «любовь, которая придает ему крылья, побуждает его лететь «Ему предложили монаха-проповедника, но он ответил, что дома к дому; всех он вдохновляет своей целью и своей дит того слишком жирным для проповедника поста»⁵⁰. Заме- тостью. На завтра, 24 июля 1702 г., собрание состоялось. Боль- лем Мандрена, по словам биографа, оказывается «племянни- ста пылких и решительных молодых людей явились в назна- самого Рокероля⁵¹, который был разведчиком у Севеньольный час, вооруженные вилами, косами и дубинами, а некото- мизаров.— Л. Г.) в 1704 г., а потом на 10 или 12 лет стал т — ружьями, тогда как другие — шпагами. И Перье произнес в Марселе»⁵². Попутно сообщается, что ему сейчас 80 лет и юю речь, что они все поклялись ему повиноваться, и громоглас- вет в Голландии. Дальше читатель находил совершенно фан- провозгласили его своим вождем»⁵⁷. Эти строки могли бы быть ческие рассказы о том, как Мандрен обманом захватил явно перенесены из «Истории камизаров» в «Историю Ман- некоего недавно скончавшегося прокурора, как он был там ста» — тон их совпадает.

со своей шайкой, осужден и бежал, уводя с собой своих со- Крайне характерно, что в революционной французской пьесе о ков. Крайне интересны торжественные речи, которые в кни- тании русских крепостных, пробившейся на сцену в 1786 г.⁵⁸, износит Мандрен. Вот начало одной из них: «Вы видите, да (и тут формально, для успокоения цензуры, числящийся товарищи, вождя, который неоднократно слал вызов каприза- (еем) отличается таким же ораторским пафосом. Схваченный туну и опасностям битв. Давно испытанный непостоянством- тями, он гордо заявляет: «Ты, губернатор Новгорода, открой а: ты увидишь во мне самого непреклонного врага рабства, неустрашимого Октара, который возмущил против тирании ь татар. Ты увидишь во мне того, что хотел отомстить за ране только в Новгороде, но во всем мире. Подумай о том, что смерть столь же необходима тиранам, сколь им страшна моя нь... Исполни свой долг, и пусть скорая смерть освободит я, или трепещи, если ты оставишь меня в живых» (д. 3, явл. 9).

Вчитываясь в речи Мандрена, читатель не может не поч- критика эпохи отметила успех этих тирад у демократическо- вать в них знакомых интонаций: с одной стороны, они напо- рителя и оценила их политическое значение. Через 3 года эти речи героев Фукидида и Тита Ливия и явно навеяны изу- ды перешли с театральных подмостков и из подпольного луб- классиков в коллежах; с другой — мы легко можем убедить а политическую трибуну. Демулен и Дантон продолжили тра- пламенное красноречие — неотъемлемый признак вождя в- ю пламенных и пышных речей, усвоенную ими из школьных ном сознании, отраженном в лубке эпохи. Так, в лубочной по- жнений по риторике. Их слушатели знали и ценили этот жанр, ной «Истории камизаров»⁵⁵ мы находим характеристику е если и не получили классического образования.

восставших: «Это был молодой человек около тридцати дв- 3 библиографии французских лубочных книг, составленной Ни- сильный, полный огня и смелости; хотя он и был только к- м, отмечено несколько биографий Мандрена, поэмы и трагедии нином, но отличался красноречием, очень убедительным р- м; существует также «Надгробное слово над Луи Мандре- роде»⁵⁶. И действует он, конечно, как из стремления к свобо- 59 (не упомянутое Низаром), пародирующее напыщенные

писавшиеся по заказу для торжественных похорон различ- знатных лиц. Но пародийный тон сменяется иронией в адрес чей: «Богатые смертные, счастливые любимцы Фортуны, вер-

⁴⁹ Histoire de Louis. Mandrin..., p. 9.

⁵⁰ Там же, стр. 91.

⁵¹ Историческое лицо: его имя упоминается в исследовании Ш. А. Ch. Almeras. La Révolte des Camisards. Paris, 1960, p. 204.

⁵² «Histoire de Louis Mandrin...», p. 10.

⁵³ Там же, стр. 62.

⁵⁴ Там же, стр. 63.

⁵⁵ «Histoire des camisards, où l'on voit par quelles fausses maximes tique et de religion la France a risqué sa ruine sous le règne XIV». A Londres, 1744.

⁵⁶ Там же, стр. 108.

м же, стр. 110.

edor et Lizinka, ou Novgorod sauvée, drame en 3 actes et en prose, tirée me anecdote russe par M. Desforges». Paris, 1787. См. нашу статью: французский драматург Дефорж (1746—1806) и его пьеса о восстании сских крепостных». — Сб.: «XVIII век», вып. 4. М.—Л., 1959.

raison funebre de Louis Mandrin». Valence (?), 1755.

ные поклонники Плутона, мужайтесь! Спите спокойно на ложе женства. Имя Мандрена больше не станет тревожить ваше гополучия»⁶⁰. Не забыты и бедняки: к ним тоже обращается ное утешение. «Утешьтесь, удрученные народы, прекратите стоны, ваши жалобы: тот, кого вы оплакиваете, найдет подра-лей»⁶¹. Как мы видим, и здесь делается ставка на продол-дела Мандрена.

К экземпляру этого «Надгробного слова», хранящемуся в дах Государственной исторической библиотеки РСФСР в М. С. приплетена печатная «Эпитафия Луи Мандрена»⁶² неизвест-автора с гравированным портретом Мандрена (также в библи-фии Низара не учтенная):

Tel qu'on vit autrefois Alcide
Parcourir l'Univers la massue a la main
Pour frapper plus d'un monstre avide
Qui desoloit le genre humain;
Ainsi je parcourois la France
Que desoloient mille Tyrans:
J'ai peri, pour avoir depouillé des brigands.
J'aurois eu, tout comm'eux, une autre récompense
Si j'avois depouillé des peuples innocens⁶³.

Лубочная литература Франции XVIII в. включает и па-эгалитариста Аняжа Гудара, изданный им от имени прославо (hommes à administration), ничего не дают государству, так го народного героя, — «Политическое завещание Луи Ман, предлагая лекарство, они никогда не доходят до источника генералиссимуса контрабандистских отрядов, написанное деэни»⁶⁷. Завещаниям, документам и прочим бумагам полити-мим в тюрьме. Валанс, 1755»⁶⁴. Выпуская этот памфлет, не знающих жизни, он противопоставляет решительные дей-П. Брошоном⁶⁵, Гудар несомненно играл на интересе читател-к «последнему слову» подсудимого, к трогательным апокрыт

⁶⁰ «Oraison funebre de Louis Mandrin». Valence (?), 1755, стр. 14.

⁶¹ Там же, стр. 16.

⁶² «Epitaphe de Louis Mandrin». Valence (?), 1755.

⁶³ Как некогда Алкид прошел по вселенной с палицей в руке, побив множество прожорливых чудовищ, терзавших человеческий род, так прошел по Франции, которую терзали тысячи тиранов. Я погиб, что грабил бандитов; но я добился бы иной награды, если бы, как грабил невинные народы.

⁶⁴ [A. Goudar]. Testament politique de Louis Mandrin, Généralissime des Troupes de Contrebandiers, écrit par Lui-même dans sa prison. (Paris), 1755. Книга вышла в 1756 г. уже седьмым изданием и была уже переведена на немецкий язык.

⁶⁵ P. Brochon. Op. cit., p. 66.

м «речам перед казнью» и т. п., которые действительно входили в репертуар лубочной книги. Известно, что, спекулируя на состоянии масс к «страдальцам», английские роялисты в середине XVIII в. наводнили Европу фальшивкой Джона Годена «Образ ко-лей». Именно к этому доходчивому жанру и обращался Гудар, тавляя читать свой памфлет против откупной системы даже кто обычно политических памфлетов не читает.

С другой стороны, его памфлет адресован и более подготовлен-читателю, самим заголовкам перекикаясь с широко извест-в то время политическим завещанием Ришелье. Опубликован-первые в 1688 г., оно было сразу объявлено подложным, но авалось объектом споров на протяжении всего XVIII в. Среди ориков, оспаривающих подлинность завещания Ришелье, был ольтер. Из-за этого спора «Политические завещания» (подлин-и мнимые) были в моде⁶⁶, и успех произведению этого жанра и обеспечен.

Памфлет Гудара меньше всего является «слезницей» или парой: в нем чувствуется накал страстного пропагандистского доку-та. От имени Мандрена Гудар пишет: «Мое завещание, вероят-составило бы после моей смерти несколько томов, которые, мо-быть, были бы полезней для Франции, чем те, что опублико-ы под заглавием «Политических завещаний» Ришелье, Кольбе-Лувуа и Альберони. Книги этих лиц, причастных к управле- (hommes à administration), ничего не дают государству, так го народного героя, — «Политическое завещание Луи Ман, предлагая лекарство, они никогда не доходят до источника генералиссимуса контрабандистских отрядов, написанное деэни»⁶⁷. Завещаниям, документам и прочим бумагам полити-мим в тюрьме. Валанс, 1755»⁶⁴. Выпуская этот памфлет, не знающих жизни, он противопоставляет решительные дей-П. Брошоном⁶⁵, Гудар несомненно играл на интересе читател-к «последнему слову» подсудимого, к трогательным апокрыт

Гудар видит кризис и вскрывает его причины: «Наступил ре-окий момент. Королевство только что перенесло тяжелый кри-и лишь обстоятельства помешали низвержению прекрасней-

Известны несколько книг под этим названием: «Testament politique du cardinal Jules Alberoni». Lausanne, 1757, — приписываемое авторству К.-М. Дюрэ де Марсана (J.-M. Durey de Marsan); «Recueil des testaments politiques du cardinal de Richelieu, du duc de Lorraine, de M. Colbert et de L. de Louvois». Amsterdam (Paris), 1749; к этим «завещаниям», несо-ненно, приложил руку и знаменитый фальсификатор мемуаров и до-ументов эпохи Гасьян Сандра де Куртиль (Gatien Sandras de Courtil). Testament politique de Mr. Louis Mandrin», p. 3—4.

шей из всех монархий. Если бы к ним присоединилась еще одна монархия, Франция погибла бы»⁶⁹. Основной причиной краха монархии Гудар считает нищету народа, заставляющую французов искать спасения в разбое: «Нищета загоняла множество людей всех сословий Франции в отряды Картуша»⁷⁰. Отсюда его выводы: политическая власть Франции приносится в жертву алчности откупщиков, экономическая, но и политической силой: «Откупа унижают достоинство Франции не сможет победить Мандрена или Мандрен неизбежно станут господами Франции: потому что не существует интервала между обладанием всеми богатствами и полнотой власти»⁷¹.

В чем же видит Гудар причину слабости государства в его борьбе против повстанцев? В том, что армия сочувствует повстанцам: «Регулярные части всегда испытывают какое-то отвращение к боям против тех, кого зовут бандитами»⁷². В то же время, подчеркивает Гудар, народ Франции доведен до отчаяния: «Народ Франции не кровожаден, он ненавидит ужас и резню. Если мы резали друг другу горло с яростью, идущей от религиозных войн. Этот парадокс природы нетрудно объяснить: дело в том, что в управлении Францией свойствен порок, возмутивший дух народа и заставивший его изменить своему характеру. Этот порок — система откупов»⁷³.

От имени Мандрена поставлен вопрос: почему, несмотря на следования и на потери, его отряды не скудели: «Я искал постоянного притока народа, ежедневно прибывавшего по разным знаменам; и обращаясь от причины к причине, я пришел к источнику, которым оказалась система откупов»⁷⁴. Гудар становится ополчается против откупной системы: «Сегодня все во Франции стало откупом, все сдается по контракту: вскоре народу будет позволено дышать лишь с санкции откупщиков»⁷⁵. Откупщики получают деньги страны в карманы откупщиков: «незаметно

время, когда у откупщиков соберутся все деньги королевства, короля и у народа не будет ничего»⁷⁶.

Гудар поднимается до догадки о том, что деньги являются не только экономической, но и политической силой: «Откупа унижают достоинство Франции не сможет победить Мандрена или Мандрен неизбежно станут господами Франции: потому что не существует интервала между обладанием всеми богатствами и полнотой власти»⁷⁷.

В «Приложении» Гудар приводит письма почитателей Мандрена, которые же малоподробные, как и само «Завещание». Читатель найдет здесь саркастическую оценку деятельности откупщиков, рассуждаемой как узаконенный грабеж: «Господин Мандрен! Неужели вместо того, чтобы набирать войска, которые дали бы возможность безнаказанно торговать табаком, купить место у главного откупщика? Этот способ обворовывать государство не оскорбляет, потому что все к нему привыкли. На этой почве грабеж дозволен, тут косят во весь размах. Вместо того чтобы облагать контрибуцией несколько деревень, Вы обложили бы всю Францию. Никто еще не видывал, чтобы повесили хоть одного откупщика, тогда как больше ста тысяч тех, кто занялись Вашим делом, были колесованы или отправлены на галеры. Будь у Вас талант, Вы смогли бы без всякого риска пустить в дело Ваш удивительный талант обирать публику. Остаюсь и т. д.»⁷⁸

Гудар возлагает ответственность за то, что больше 15% Франции живут в нищете: «Из-за того, что триста миллионов живут в излишестве, трем миллионам подданных не хватает необходимого»⁷⁹.

Письма показывают, что от жадности откупщиков страдают не только крестьяне, но и духовенство и дворяне: «Сударь, я пишу из маленькой деревни Дофине, в 2 лье от Гиблистра, — таковой, такой безденежной, что на всю общину в 1500 жителей приходится 600 ливров монетами по 3 лиара; эта сумма, ценная на равные доли, составит лишь 8 су и несколько денее для каждого гражданина.

Вскоре есть двойной луидор; и все соседи собираются в воскресенье из любопытства посмотреть на него. В самом деле, это единственная монета на 12 лье в округности. У сеньера есть 12 больш-

⁶⁹ «Testament politique de Mr. Louis Mandrin», стр. 3.

⁷⁰ Там же, стр. IV. Картуш (Louis Dominique Bourguignon, dit Cartouche), разбойник, казненный в Париже в 1720 г.

⁷¹ «Testament politique de Mr. Louis Mandrin», р. 4.

⁷² Там же, стр. 5.

⁷³ Там же, стр. 5—6.

⁷⁴ Там же, стр. 7.

⁷⁵ Там же.

же, стр. 9.

же, стр. 11—12.

же, стр. 28—29.

же, стр. 29.

ших экую по 6 франков, которые он бережет с такой же тщательностью, как коллекционеры в Париже берегут 12 медалей императоров»⁸⁰.

Народная ницета, по Гудару, таит в себе постоянную взрыва, опасного, как бы мал и слаб он ни был: «Самые большие революции, все предававшие огню и мечу в самых влиятельных державах мира, всегда начинались с искры»⁸¹. Подчеркивает, что правительство вообще не будет в силах справиться с народными волнениями: «Мощь самых великих империй бессильна против самых малых народных бунтов»⁸².

Через десять лет после казни Мандрена, когда страсти остыли (и когда отряд контрабандистов, возглавляемый Мандреном, орудовал вблизи поместья Вольтера), ослепленном контрабандисте вспомнил плебейский полуподпольщик Анри-Жозеф Дюлоран⁸³. В сборнике философских «Истин»⁸⁴ он пишет о мандреновской легенде. Лубочная история создала славу Мандрену: Дюлоран приводит название — «la Mandrinade», оценивая ее очень невысоко: «отвратительная поэма». Но она дает ему повод высказать несколько соображений о том, как Мандрен мог быть полезен Франции, если бы только правительство смогло оценить и использовать его способности. Эпоху, когда нам так нужны были хорошие полководцы, героические произведения заслуживали помилования. Мандрен не боялся ради родины с немалым рвением, чем то, что его считали предателем, проявил против приспешников откупов. Александр Македонский сделал корсара Деметрия военачальником⁸⁵, султан Сулейман использовал Барберуссу и Ренса, он назначил одного пашу в духе Дидро, пользовавшегося любой возможностью, великого адмирала⁸⁶. Великий министр увидел бы в Мандрене по крайней мере героя по церкви, героям был противопоставлен черствый святоцкий полководец; но маленькие министры не видят

⁸⁰ «Testament politique de Mr. Louis Mandrin», p. 30.

⁸¹ Там же, стр. 3.

⁸² Там же, стр. 4.

⁸³ О Дюлоране см. в наших статьях: «Роман Дюлорана «Кум Матье» и истории плебейского крыла французского Просвещения», «Литература», 1960, № 5; Диалог в философском романе Дюлорана «Кум Матье». — В сб.: «Проблемы жанра в зарубежной литературе», Ленинград, 1966; см. также: K. Schnelle. Aufklärung und klerikale Reaktion. Der Prozeß gegen den Abbé Henri-Joseph Laurens. Ein Beitrag zur deutschen und französischen Aufklärung. Berlin, 1963.

⁸⁴ [H.-J. Dulaurens]. La Vérité. Peking, 1765.

⁸⁵ Эпизод из истории Александра Македонского, описанный в первом французском романе «Александрия».

⁸⁶ Султан Сулейман I Великолепный (1494—1566).

⁸⁷ [H.-J. Dulaurens]. La Vérité, p. 128.

в размышлении Дюлоран предстает перед нами как человек, принявший к сердцу неудачи недавно закончившейся Семилетней войны: Мандрен привлек его внимание как нереализованного полководца. Но ясно, что при старом режиме он и не мог реализоваться: лишь Революция 1789—1799 гг. открыла дорогу талантам народа. Тогда стал генералом бывший конюший Гош, и тогда же могли бы проявиться военные способности Ренса, или отца Жана де Домфрон, буйного героя дюлорановского романа «Кум Матье».

Мандрен — «благородного разбойника», контрабандиста и изгнанника — принадлежит романтической эпохе первой четверти XVIII в.; но «Разбойники» Шиллера изданы в 1781 г., а прославленный Ринальдо Ринальдони, на которого ссылается в «Дубровском» Пушкин и чье имя стало нарицательным, вошел в литературу в 1798 г.⁸⁸ Однако много раньше их обоих к этой теме обратился

Дидро: летом 1770 г. он пишет новеллу «Les deux amis de Bourbourg» («Два друга из Бурбонна»), дошедшую до избранных членов в рукописной «Литературной корреспонденции» М. Гримма.

В декабре 1770 г. и впервые опубликованную швейцарским С. Гесснером⁸⁹. В этой новелле Дидро открыто выражено отношение автора к его героям, оказавшимся вне закона. Оба персонажа новеллы, Оливье и Феликс, так верны дружбе, что их можно без преувеличения назвать идеальными героями. Они восхитились одним из первых читателей: «Его браконьерские доблестные контрабандисты вызвали у нас энтузиазм»⁹⁰. В духе Дидро, пользовавшегося любой возможностью, героям был противопоставлен черствый святоцкий теолог юре Папен, не умеющий (и не желающий)

простые человеческие чувства и отказывающий в помощи тем, которые находились в подлинной беде. Поэтому известный французский исследователь творчества Дидро проф. Ж. Пруст в своих комментариях подчеркивает антиклерикальную направленность новеллы и ставит вопрос о ее связи с мандреновской легендой.

Однако, заносить Дидро в безусловные сторонники Мандреновского повстанческого движения: это означало бы подгонку Дидро под революционера или по крайней мере бунтаря.

Vulpinus. Rinaldo Rinaldini, der Räuberhauptmann, eine romanische Geschichte unseres Jahrhunderts. Leipzig, 1798; пятое расширенное издание — 1824 г.

Diderot et S. Gessner. Contes moraux et Nouvelles Idylles. Zürich,

по кн.: D. Diderot. Quatre contes. Genève, 1964, p. LXXVIII.

Между тем сам проф. Пруст в книге «Дидро и Энциклопедия» с предельной убедительностью показал умеренность взглядов Дидро, сторонника некой идеальной «демократической» примиряющей все сословия. Тема примирения проникает в роман о двух друзьях: не случайно один из них, Феликс, ищет между интендантом Лангедока и властями города Нима⁹⁵. В первый же год революции вновь всплывает имя Мандрена, в котором контекст, в котором оно упоминается, почти дословно воспроизводит мысли Дюлорана. Так, в анонимном памфлете «Второй аз рыночных торгов Парижа»⁹⁷ мы находим сопоставление имен — Фридриха II и Мандрена: «Каждый из них, герой в своей стране, поразили мир своими талантами, своим поведением, своей смелостью и своими успехами; но правда и то, что каждый был различен»⁹⁸. Даже если этот памфлет — подделка, внесенная роялистами с целью компрометации революционных Парижа, тем ценнее для нас признание (врагов!) того, что Франция видит своего героя в Мандрене: в те времена, когда бедные массы ни у кого не находят защиты, тема «благородного разбойника», мстителя за обиженных, покровителя слабых и угнетателей имеет большое революционизирующее значение. Если эта тема почти не находит себе места в «большой литературе» эпохи, а сосредоточена в лубочной книге, — тем необходимее изучать историю общественной мысли Франции XVIII в. изданные в виде *livres de colportage*. Иначе мы можем пропустить

Еще ярче это стремление к примирению (объективно Мандрена, враждебный Мандрену и повстанчеству) является в романе «Жак-фаталист и его хозяин». Сам Дидро ставит свой роман с творчеством двух авторов, классика и своего современника Дюлорана⁹³. Это позволяет нам лучше понять отношение Дидро к проблемам бунта и примирения. Дидро не просто продолжает Дюлорана, а полемически против него, направлен против его романа как проповедника нового мира против идей ярости и бунта. Герои Дюлорана несут свою философию жизни: кум Матье издевается над ними, он выступает с ними в драку, кончающуюся убийством. А Жак-фаталист в «третьем параграфе», т. е. в третьем варианте романа у Дидро бросает отряд Мандрена, в который попадает, к доразумению, и переходит на сторону своего хозяина, спасая замок от разграбления. И далеко не случайно хозяин задает вопрос: «Как ты очутился среди этих людей?», как не случится восклицание хозяйского друга, Деглана: «Принесите сюда вина, скорей! Это он спас жизнь нам всем...»⁹⁴. Таким образом, сменяя соратника Мандрена, стоящим вне закона, герой спасает своих господ. За это его и чествуют, это и делает его героем автора романа.

Но сама тема восстания в лубочной литературе процветала, хотя и не всегда мы можем проследить связи с

Некоторые тематически связанные материалы

- Л. Гордон. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения
 А. Адо, З. Чеканцева. Движение «вооруженных масок» (80-е годы XVIII века)
 З. Чеканцева. Об исторической природе насилия: Франция XVII-XVIII вв.
 З. Чеканцева. Открытый протест как волеизъявление: Франция XVII-XVIII вв.
 З. Чеканцева. Политические представления французских простолюдинов на исходе Старого порядка

⁹¹ Jacques Proust. Diderot et l'Encyclopédie. Paris. 1962; см. также статью: «Новое исследование о Дидро». — «Новая и новейшая история», 1964, № 2.

⁹² D. Diderot. Quatre contes, p. 63.

⁹³ «Беседы Жака-фаталиста и его хозяина представляют собой замечательное произведение, появившееся после Пантагрюэля маэстро Рабле и жизни и приключений Кума Матье» — D. Diderot. Le fataliste et son maître. Paris, Garnier, s. d., p. 397.

⁹⁴ Там же, стр. 402.

Le Vieux Gevenol ou Anecdotes de la vie d'Antoine Borely, mort à Londres à l'âge de 103 ans. Traduit de l'anglais. — S. l. n. d.

Эта книга приписывалась тайному протестантскому проповеднику Рабо Сеп-Этьену (Rabaut Saint-Etienne).

см. в кн.: M. Ventre. L'imprimerie et la librairie en Languedoc au dernier siècle de l'Ancien Régime. Paris — La Haye, 1958, p. 288.

Second cahier des plaintes et doléances des dames de la Halle et des marchands de Paris, 1789.

Second cahier..., p. 2.